

Глава 17

Леопольд и Август

Оставшиеся в Амстердаме члены Великого посольства были вне себя от радости, когда вновь увидели царя: им казалось, что о них просто забыли, – ведь Петр собирался в Англию на несколько недель, а задержался на четыре месяца. Зиму они коротали, разъезжая по маленькой Голландии и повсеместно зарабатывая репутацию ужасных пьяниц. Они попробовали было кататься на коньках, которых в России не водилось, но не взяли в расчет, что лед в Голландии гораздо тоньше, чем дома, в России, а потому частенько проваливались. Когда такое случалось, русские, к удивлению голландцев, вместо того чтобы сменить промокшую, обледенелую одежду, ограничивались очередной чаркой спиртного. Однако несмотря на все кутежи, зима прошла недаром. Петр по возвращении обнаружил сложенные для отправки горы боевого снаряжения и оружия, инструментов и материалов для строительства флота. Более того, посольство завербовало 640 голландцев, в том числе контр-адмирала Крюйса и других морских офицеров (кстати, Крюйс лично уговорил двести голландских офицеров ехать в Россию), матросов, инженеров, разных мастеров, кораблестроителей, врачей и других специалистов. Для доставки этих людей и оборудования в Россию зафрахтовали десять судов.

15 мая 1698 года Петр и Великое посольство выехали из Амстердама в Вену. Их путь лежал через Лейпциг, Дрезден и Прагу. В столице Саксонии, Дрездене, городе до того богатом сокровищами архитектуры и искусства, что его называли «Флоренцией на Эльбе», Петра встретили особенно тепло. Саксонский курфюрст Август стал теперь еще и польским королем под именем Августа II. Когда прибыл Петр, Август находился в своем новом королевстве, однако оставил распоряжение, чтобы гостю, которому он отчасти был обязан своим новым тронem, оказали прием, достойный царственной особы.

Первые проявления гостеприимства дрезденцев рассердили Петра. Въехав в город, он увидел, что на него таращатся любопытные, которые не скрывали своего изумления при виде русского царя, да еще такого огромного роста. Чувствительность царя к подобному вниманию не ослабела, а, наоборот, обострилась за те несколько месяцев, что он пробыл на Западе, и он пригрозил немедленно покинуть Дрезден, если публику не призовут к порядку. Князь Фюрстенберг, принимавший Петра от имени курфюрста, как мог старался смягчить царский гнев. Когда той же ночью, невзирая на поздний час, Петр выразил желание посетить знаменитый дрезденский музей-кунсткамеру и личную сокровищницу саксонских правителей – так называемый «Зеленый свод», Фюрстенберг тут же согласился. Уже за полночь царь, князь и смотритель музея вошли во дворец курфюрста, где и размещался музей в семи комнатах верхнего этажа. Кунсткамера, или «кабинет редкостей», была устроена примерно за сто лет до этого для хранения и демонстрации как необычных творений природы, так и рукотворных диковинок. Здешнее собрание затейливых часов, технических приспособлений, шахтерского и токарного инструмента наряду с редкими книгами, парадными доспехами и портретами, открытое для всех ученых и знати, не могло не поразить воображение Петра. Он решил когда-нибудь создать такую же кунсткамеру в России. Окрашенный в национальный цвет Саксонии (отсюда его название), «Зеленый свод» представлял собой потайное хранилище, куда попадали через единственную дверь в жилых покоях курфюрста. Здесь саксонские правители держали одну из богатейших в Европе коллекций драгоценностей. Петра заворожили оба собрания, и он до зари разглядывал все подряд – инструменты и украшения.

На следующий вечер Фюрстенберг дал небольшой обед для узкого круга, который превратился в одну из тех шумных и буйных вечеринок, что были по душе русским гостям. Призвали трубачей, гобоистов и барабанщиков, так как понадобилась музыка. По желанию Петра были приглашены и пять дам, среди них – красавица графиня Аврора фон Кенигсмарк, фаворитка курфюрста и мать будущего великого французского маршала, Морица Саксонского. Веселье длилось до трех часов утра, причем Петр все время норовил завладеть

барабанными палочками и «играл куда искуснее, чем барабанщики». Проведя ночь за вином, музыкой и танцами, Петр в беспечном настроении отбыл в Прагу и дальше – в Вену, а усталый князь Фюрстенберг, как только царь выехал из города, с облегчением написал курфюрсту: «Я благодарю Господа, что все сошло так хорошо, ибо я опасался, что не сумею полностью угодить этому привередливого господина».

* * *

В четырех милях к северу от старой Вены возвышаются горы-близнецы Каленберг и Леопольдсберг; к востоку от города протекает Дунай, устремляясь на юг, в Будапешт; на западе лежат холмистые луга и Венский лес. Но, как ни великолепно было природное окружение Вены, она не могла соперничать величиной с Лондоном, Амстердамом, Парижем и даже с Москвой. Это объясняется прежде всего тем, что Вена, в отличие от других крупных европейских городов, не была ни большим портом, ни центром торговли. Единственное ее назначение состояло в том, чтобы служить резиденцией императорского дома Габсбургов, местом пересечения дорог и административным центром обширных пространств от Балтики до Сицилии, подвластных императору Леопольду I. В петровское время император правил, в сущности, двумя империями. Первой была старая Священная Римская империя, довольно непрочный союз почти независимых государств Германии и Италии, чьи связи и традиции восходили к древней, тысячелетней давности, империи Карла Великого. Вторая империя, вполне отдельная и самостоятельная, состояла из традиционных габсбургских владений в Центральной Европе – эрцгерцогства Австрийского, королевства Богемия, Венгерского королевства и недавно отвоеванных у Турции земель на Балканах.

Первая из этих империй, «Священная Римская империя германской нации», давала императору его титул и огромный престиж и оправдывала невероятные размеры и великолепие его двора. Но на деле титул был лишь вывеской, а сама империя – лишь видимостью. Правители этого пестрого скопления государств – наследственные курфюрсты, или электоры (титул семи германских князей, удостоенных привилегии избирать императора Священной Римской империи), маркграфы, ландграфы, принцы, князья и герцоги – самостоятельно выбирали религию для своих подданных, определяли численность своих армий, а в случае войны решали, стоит ли им драться за императора, против него или сохранять нейтралитет. Ни один из этих властителей не принимал сколько-нибудь всерьез своих обязательств перед императором, когда речь шла о принципиальном политическом выборе. Они сами или их представители заседали в имперском сейме в Регенсбурге, который первоначально служил законодательным собранием империи, а теперь превратился в чисто совещательный, декоративный орган. Император не мог принять ни одного закона без согласия сейма, но ни одно обсуждение здесь и не приводило к согласию, так как депутаты непрестанно спорили о старшинстве. Если император умирал, сейм немедленно собирался и автоматически избирал его преемника – следующего главу дома Габсбургов. Такова была традиция, а только традиции еще и остались от древней империи.

Хотя императорский титул и был чистой формальностью, император все равно пользовался влиянием в европейской политике. Сила династии Габсбургов, ее доходы, армия и власть целиком зависели от тех государств и земель, которыми она правила на деле, – Австрии, Богемии, Моравии, Силезии, Венгрии и вновь завоеванных областей, лежавших за Карпатами в Трансильвании, и за Альпами на Адриатике. Габсбурги также притязали на трон Испании и, следовательно, на испанские владения в Европе, включая собственно Испанию, Испанские Нидерланды, Неаполь, Сицилию и Сардинию. Эта, условно говоря, вторая империя Габсбургов не прочь была искать удачи на юге и на востоке и оттуда же ждала возможной угрозы. Подобно барьеру, она отделяла Западную Европу от Балкан и верила в свою священную миссию защиты христианства от Османской Турции. Северных князей-протестантов нисколько не занимали опасения или устремления императора на Балканах; они рассматривали их как личное дело дома Габсбургов, так что если императору

требовалась помощь в каком-либо военном предприятии, то обычно ему приходилось ее покупать.

Центром владений Габсбургов была Австрия, а сердцем – Вена. Здесь царил католицизм, густо приправленный традициями и помпезным ритуалом, и в политике чувствовалась рука иезуитов, при любом обсуждении государственных дел всегда стоявших за кулисами, а то и за спиной коронованной особы, на которую, как они уверяли, возложена свыше особая миссия.

* * *

Его католическое величество Леопольд I, император Священной Римской империи, эрцгерцог Австрийский, король Богемский и Венгерский, не признавал равным себе ни одного смертного, кроме папы римского. В глазах Габсбургского императора, его христианнейшее величество, король Франции, был всего лишь выскочкой посредственного происхождения с нелепыми и наглыми замашками. Московский же царь едва ли далеко ушел от прочих азиатских правителей, обитавших в шатрах.

Леопольд испытывал непоколебимую уверенность в весомости своего положения. Габсбурги были старейшей из правящих династий Европы. Три сотни лет от одного Габсбурга к другому непрерывно передавалась корона Священной Римской империи, история и неоспоримые права которой восходили к Карлу Великому. К концу XVII века Реформация и Тридцатилетняя война ослабили императорскую власть, однако номинально император по-прежнему оставался верховным светским правителем христианского мира. Реальная его власть, возможно, меркла в сравнении с могуществом французского короля, но чувство превосходства – смутное, средневековое, полумистическое – все еще сохранялось. Поддерживать этот миф о превосходстве было одной из главных забот Леопольда. При нем находился целый штат усердных историков и библиотекарей, которым путем неутомимых исследований удалось возвести императорский род – через бесчисленных героев и святых – прямо к Ною.

Это тяжелое бремя генеалогической ответственности лежало на смуглолицем человеке не слишком высокого роста, с выступающей нижней челюстью и оттопыренной нижней губой, что испокон веков отличало (если не уродовало) всех Габсбургов. К 1698 году он просидел на императорском троне уже сорок лет (еще семь лет было у него впереди), однако рожден он был не для престола. Его, младшего сына, готовили для церкви, и от богословских занятий его оторвала лишь смерть старшего брата, Фердинанда. В восемнадцать лет Леопольда избрали императором, но все годы своего долгого правления он предпочитал спокойные и мирные занятия – богословие, искусство, придворный церемониал, генеалогические изыскания. Особенно он любил музыку и даже сам сочинял оперы. Воином он не был, хотя при нем империя почти непрерывно воевала. Когда османские полчища окружили и осадили Вену в 1683 году, император без лишнего шума покинул столицу и вернулся только после того, как турок отразили и отбросили вниз по Дунаю. Нравом он был уныл, вял и упрям. Но даже погруженный в вечную спячку, он умудрялся излучать суровое достоинство, не лишенное даже величия, которое объяснялось отчасти его отношением к собственной персоне. Ведь он твердо знал, что быть императором – значит вознестись на самую вершину величия, какое только доступно роду человеческому.

Весь уклад повседневной жизни императорского двора был направлен на то, чтобы неустанно напоминать, как велик и недостижим сан императора. В покоях и переходах своего старинного венского дворца, Хофбурга, император жил, подчиняясь жесткому церемониалу, напоминавшему скорее о Византии, нежели о Версале. В будни император носил испанское придворное платье – черный бархат, белое кружево, короткий плащ, шляпу с полями, отогнутыми с одной стороны, красные чулки, полагавшиеся только императорам – Габсбургам, и красные туфли. В торжественные дни – а они выпадали нередко – он представлял в почти азиатском великолепии, разодетый в сиявшую бриллиантами пурпурно-

золотую парчу, и окруженный своими рыцарями Золотого Руна в длинных, расшитых золотом плащах малинового бархата. В этом наряде император в дни религиозных праздников пешком отправлялся к мессе во главе длинной процессии. Там, где проходил император с семьей, придворные отвешивали низкий поклон и опускались на одно колено. Точно так же подданные должны были вести себя при упоминании имени императора, даже если сам он находился в другой комнате. Когда их величества обедали вдвоем, без посторонних, блюда проходили через двенадцать пар рук, прежде чем попасть на императорский стол. Виночерпий наполнял бокал императора, опустившись на одно колено.

Центром этих смехотворных церемоний был дворец Хофбург – лабиринт выросших за много столетий строений, соединенных темными лестницами и переходами, крохотными двориками и парадными коридорами. В этом каменном хаосе, начисто лишенном симметрии и изящества Версаля, ютился император с 2000 придворных и 30 000 слуг, и тут же теснились правительственные учреждения, музеи и даже больница. Отсюда, из Хофбурга, Леопольд и правил империей, за исключением тех случаев, когда отбывал за город во дворец Фаворит охотиться на оленей или во дворец Лаксенбург на двадцать миль подальше охотиться с ловчими птицами на цапель.

По сути дела, хаос Хофбурга символизировал собой кавардак, царивший во всей империи. Правила Габсбурги не слишком умело. Им никогда не удавалось свести все канцелярии, советы, казначейства и массу прочих учреждений Священной Римской империи и габсбургских владений в единую четкую систему с централизованным управлением. Сам Леопольд, которого готовили к духовной карьере, был нерешительным владыкой. Робкий, вялый, вечно неуверенный, он предпочитал выслушивать советы и без конца обдумывать противоречивые рекомендации советчиков. Один французский дипломат сравнил его «с часами, которые постоянно нуждаются в заводе». К девяностым годам XVII века император был по рукам и ногам опутан великим множеством всяческих комитетов, которые за его спиной втихомолку яростно сражались друг с другом. Формирование же политического курса Австрии было пущено на самотек.

В глубине души ни Леопольд, ни впоследствии двое его сыновей, императоры Иосиф I и Карл VI, не считали беспорядок в делах управления серьезным недостатком. Все трое в продолжение почти сотни лет дружно полагали, что государственное руководство – дело второстепенное, куда менее важное не только для спасения собственной души, но и для будущего дома Габсбургов, чем вера в Бога и поддержка Католической церкви. Если Господь будет ими доволен, он обеспечит династии и преемственность, и процветание. На этой-то основе и строились их взгляды на политику и методы управления государством: трон и империя вручены им от Бога, а значит, династию, ее интересы и судьбу оберегает и всегда защитит власть, которая превышает власти земной. За долгое правление Леопольда, несмотря на то что император был ко всему безразличен, а громоздкая бюрократия подавляла всякое живое движение, его империи не раз улыбалась удача. Возможно, как полагал сам Леопольд, это объяснялось вмешательством Всевышнего, но власть императора и вера в будущее в последние десятилетия его правления имели и земную основу – сверкающий меч принца Евгения Савойского. Тщедушный, сутулый принц был фельдмаршалом Священной Римской империи, главнокомандующим имперской армии и, наряду с герцогом Мальборо и королем Швеции Карлом XII, входил в число самых славных и победоносных полководцев своего времени.

В жилах принца Евгения текла итальянская и французская кровь, титул его шел от деда, герцога Савойского. Он родился в Париже в 1663 году, его матерью была Олимпия Манчини, одна из знаменитых красавиц двора Людовика XIV, а отцом – граф де Суассон. Лицом и телом Евгений был так неказист, что на прошение о приеме на службу во французскую армию ему ответили отказом. Его предназначали для церковной карьеры; Людовик XIV даже имел обыкновение прилюдно называть Евгения «маленьким аббатом». Насмешки короля дорого обошлись Франции. В возрасте двадцати лет принц Евгений отправился к австрийскому императору и попросил дать ему командную должность в

имперской армии. Мрачный двор Леопольда пришелся ему по душе, а сосредоточенный, лишенный всякого намека на легкомыслие Евгений, над которым так потешались в Версале, оказался как нельзя более ко двору в Вене. Его появление там совпало с турецкой осадой Вены, и он, двадцати лет от роду, получил в подчинение драгунский полк. В последующие годы он отказался от своей мечты о каком-нибудь итальянском княжестве и посвятил всю жизнь армии. В двадцать шесть лет он стал генералом кавалерии, в тридцать четыре командовал имперской армией в Венгрии. Здесь, в сентябре 1697 года, когда Петр работал на амстердамской верфи, Евгений сокрушил главные силы султанской армии, второе превосходившей его собственную, в отчаянной битве при Зенте. Мирная передышка оказалась недолгой, и вскоре он уже бился с врагами императора в Нидерландах, на Рейне, в Италии, на Дунае. Он участвовал в двух из величайших победных сражений герцога Мальборо, при Бленхейме (Гохштедте) и при Ауденарде, довольствуясь скромной ролью помощника командующего: его затмил великий Мальборо. Но если слава Мальборо зиждется всего на десяти годах командования в ходе войны за Испанское наследство, то Евгений Савойский был военачальником на протяжении пятидесяти лет, и тридцать из них он занимал пост верховного главнокомандующего.

Императорские советники и консультанты, историки и герольдмейстеры жарко спорили из-за тонкостей церемониала встречи посольства, дабы не уронить достоинство своего августейшего повелителя. Московский царь, сколь бы огромны ни были его владения, разумеется, не мог быть принят как венценосец, равный императору, наместнику самого Господа Бога. Дело еще больше осложнялось тем обстоятельством, что, по официальной версии, царя в составе делегации не было. Но все же следовало каким-то образом оказать внимание высокому молодому человеку, именовавшему себя Петром Михайловым. Для решения столь серьезных проблем требовалось время; на то, чтобы разработать детали въезда посольства в Вену, ушло четыре дня, и целый месяц – чтобы договориться с послами относительно протокола приема. Петр между тем с нетерпением ждал личной встречи с Леопольдом. Австрийские придворные чиновники твердо стояли на том, что его императорское величество не может публично принять царя, странствующего под чужим именем, однако упорство Лефорта принесло плоды в виде согласия на частную встречу.

Свидание состоялось во дворце Фаворит, летней вилле Леопольда на окраине Вены. Петра, уважая его инкогнито, провели через садовую калитку, затем по черной винтовой лестнице – в приемный покой. Лефорт старательно проинструктировал царя, ознакомив его с условленным протоколом встречи: обоим монархам предстояло войти в длинный аудиенц-зал одновременно – из дверей в противоположных его концах; медленно двигаясь навстречу друг другу, они должны были встретиться точно посередине, возле пятого окна. К несчастью, Петр, открыв дверь и увидев Леопольда, забыл все наставления, устремился к императору широкими, быстрыми шагами и подошел к нему, когда тот добрался только до третьего окна. У австрийских придворных перехватило дыхание. Протокол нарушен! Что же будет? С Петром, с ними самими? Но когда двое властителей удалились для беседы в нишу окна, сопровождаемые только Лефортом в роли переводчика, придворные с облегчением увидели, что царь выказывает их повелителю большое уважение и держится почтительно. Собеседники составляли резкий контраст: пятидесятивосьмилетний император был невысок, бледен, огромный парик обрамлял его узкое, сумрачное лицо, а над выпяченной нижней губой нависали густые усы; двадцатилетний царь, непомерно высокий, усиленно жестикулировал, при этом несколько подергиваясь. Встреча свелась, в сущности, к обмену любезностями и продолжалась пятнадцать минут, а потом Петр спустился в дворцовый сад и, сев в маленькую весельную лодку, с удовольствием покатался по озеру.

Эта первая встреча определила атмосферу всего двухнедельного пребывания Петра в Вене, где, кстати, он больше никогда не бывал. Несмотря на надоедливое кудахтанье австрийских чиновников, ведавших протоколом, он сохранял добродушие и учтивость. Он посетил императрицу с принцессами и постарался произвести хорошее впечатление. Он великодушно отказался от выделенных императорским двором на еженедельное содержание

русской миссии в Вене в 3000 гульденов. Эта сумма, как сказал Петр, была слишком обременительна для его «дорогого брата», только что перенесшего тяготы длительных войн, и царь вполтину ее уменьшил. Австрийцы, располагавшие исчерпывающей информацией о поведении Петра как в Москве, так и во время путешествия, едва могли поверить, что этот почтительный и скромный молодой человек – тот самый гуляка, о котором они наслышаны. Иностранные послы в Вене отмечали его «деликатные, безупречные манеры». Испанский посланник писал в Мадрид: «Он не кажется здесь вовсе таким, каким его описывали при других дворах, но гораздо более цивилизованным, разумным, с хорошими манерами и скромным».

Удивительная любезность и пытливость русского царя породили большие надежды в определенных кругах. Из донесений имперского посла в Лондоне представители Католической церкви, и в первую очередь члены венского иезуитского колледжа, уже знали, что Петр не слишком привержен догматам православия и интересуется различными вероисповеданиями. Подобно тому как архиепископ Кентерберийский и другие протестанты подумывали об обращении Петра в протестантизм, католики теперь надеялись, что царя, а следом за ним и все его царство удастся ввести в лоно Матери Святой Католической церкви. Реализовать эти надежды пытался советник императора, отец Вульф, иезуитский проповедник, говоривший немного по-русски. В день Святого Петра, отстояв православный молебен, который служил его собственный духовник, сопровождавший посольство, царь посетил мессу в колледже иезуитов. Тут он услышал проповедь, в которой отец Вульф говорил, что «во второй раз ключи будут вручены другому Петру, и он отворит ими другую дверь». Скоро Петр побывал еще на одной мессе, которую на этот раз отправлял кардинал Коллониц, примас Венгрии, а после отобедал с кардиналом в трапезной колледжа. Из разговора кардиналу стало ясно, что Петр и не думает об обращении в новую веру, а слухи, будто он собирается ехать в Рим, чтобы сам папа принял его в лоно Католической церкви, ни на чем не основаны. Он собирался в Венецию – изучать строительство галер, а в Рим если и попал бы, то исключительно как путешественник, а не как паломник. После этой встречи кардинал так описал своего гостя: «Царь – высокий молодой человек лет двадцати восьми – тридцати, величавый и серьезный, с выразительным смуглым лицом. Его левый глаз, левая рука и левая нога пострадали от яда, которым его отравили при жизни его брата; но теперь об этом напоминает только неподвижный взгляд этого глаза и непрерывные движения руки и ноги. Чтобы их скрыть, он сопровождает эти произвольные подергивания постоянными движениями всего тела, которые многие люди в тех странах, где он побывал, приписывали естественным причинам, но на самом деле они являются нарочитыми. У него живой и быстрый ум; манеры скорее цивилизованного человека, чем дикаря. Предпринятое им путешествие оказало на него сильное благотворное влияние, так что очевидна разница между тем, каков он был в начале странствий и каков он теперь, хотя его прирожденная грубость все еще сказывается, главным образом – в отношениях с его сопровождающими, которых он держит в большой строгости. Он обладает познаниями в истории и географии и жаждет узнать об этих предметах еще больше; но сильнее всего его привлекают море и корабли, над сооружением которых он трудится собственноручно».

В дни визита Петра Леопольд дал один из знаменитых костюмированных балов, которыми славился венский двор. Действие разворачивалось в декорациях деревенской таверны, хозяев которой изображали император и императрица, а придворные и иностранные посланники были одеты в крестьянские костюмы. Там присутствовал и принц Евгений Савойский. Петр был в костюме фрисландского крестьянина, а доставшаяся ему по жребию партнерша, девица Иоганна фон Турн, нарядилась его подружкой-фрисландкой. За обедом отбросили все церемонии, и император с императрицей сели за столом там, где им понравилось. Тосты звучали один за другим, и Леопольду пришла в голову мысль, каким образом можно провозгласить тост за здоровье высокого гостя, который присутствовал на маскараде негласно. Он поднялся с места и, обратившись к молодому человеку в маске, произнес: «Если не ошибаюсь, вы знакомы с русским царем, выпьем же за его здоровье!»

На следующее утро кубок, из которого пил император, по его распоряжению, преподнесли Петру в дар. Он был отделан горным хрусталем и стоил 2000 флоринов. Удовольствие от ужина в обществе маскарадной партнерши царь выразил на следующий день: ей доставили четыре пары соболей и 250 дукатов.

Отвечая на гостеприимство своих хозяев, в день Святого Петра русское посольство устроило бал на тысячу гостей, длившийся целую ночь. Фейерверки, которые зажигал сам царь, танцы, вино, беготня по летнему ночному саду придали этому приему в Вене привкус Немецкой слободы. На торжественном обеде, состоявшемся после того, как император официально принял посольство, за здоровье супруг обоих монархов, императрицы и царицы, не пили. Причем настояла на этом русская сторона – так что Евдокии после возвращения Петра в Москву ничего хорошего ждать не приходилось. За обедом, когда речь зашла о напитках, барон Кенигзекер настоял, чтобы Лефорт немедленно отведал шесть сортов вин, отобранных бароном. Вина принесли, Лефорт пригубил их и попросил, чтобы его долговязому другу, стоявшему за спинкой стула наподобие слуги, тоже дали попробовать.

Несмотря на то что в Вене Петра окружили приветливостью и дружелюбием, его дипломатическая миссия здесь потерпела неудачу. Великое посольство явилось затем, чтобы пробудить заинтересованность Австрии в возобновлении боевых действий, на этот раз более решительных, против турок. Вместо этого послам пришлось прилагать отчаянные усилия, чтобы помешать австрийцам принять турецкие мирные предложения, весьма выгодные для Австрии, но не для России. По условиям предложенного мира, все воюющие стороны соглашались признать статус-кво, причем каждая из них сохраняла за собой все территории, захваченные на момент подписания договора. Для Габсбургов это было благоприятное решение, так как под их властью остались бы и Венгрия, и часть районов Трансильвании. Мысль о заключении мира казалась крайне заманчивой. Кроме того, на западе опять маячила угрожающая тень Людовика. Настала пора развязать себе руки на востоке, пожать плоды победы, составить новую коалицию и лицом к лицу встретиться с Королем-Солнце.

Единственным, кого не устраивало возможное примирение, был Петр. Он дважды, в 1695 и 1696 годах, возобновлял боевые действия против Турции, провел две Азовские кампании, овладел крепостью и возымел честолюбивое желание ходить под парусами в Черном море; горы свернул, чтобы построить флот в Воронеже, сам отправился в Европу учиться кораблестроению, нанимать корабельных мастеров, капитанов и матросов – все для того, чтобы создать новый Черноморский флот. Так мог ли он допустить, чтобы война кончилась раньше, чем он по крайней мере завладеет Керчью и принудит турок согласиться с его правом бороздить воды Черного моря?

Петр лично высказал свои нужды имперскому министру иностранных дел графу Кинскому, а тот довел их до сведения императора. Сознывая, что австрийцы твердо намерены пойти на мировую, Петр сосредоточил внимание на условиях мира. Во-первых, ему нужны были заверения в том, что император будет настаивать на передаче России турецкой крепости Керчь, являвшейся ключом от пролива между Азовским и Черным морями. Без Керчи новый флот Петра не сумел бы войти в Черное море и остался бы запертым в Азовском, достаточно обширном, но стратегически бесполезном. Кинский отвечал, что мирный конгресс, на который, разумеется, пригласят и Россию, еще не начался, и если Петру нужна Керчь, то пусть он ее поскорее захватит, пока не подписан договор, так как сомнительно, чтобы удалось заставить Турцию отдать ее под дипломатическим нажимом за столом переговоров, «ведь турки не привыкли отдавать свои крепости без боя». Наконец было получено хотя бы обещание императора не подписывать договора, не познакомив прежде царя со всеми его условиями.

Большого добиться не удалось, и Петр заторопился с отъездом: Вена была городом сухопутным, без доков и кораблей, а его ждала Венеция, где царь рассчитывал узнать секреты сооружения грозных венецианских боевых галер. К 15 июля все формальности уладили – паспорта членов посольства были в порядке, и часть свиты уже находилась на пути в Венецию. В самый момент отъезда, когда Петр только что вернулся с прощальной

аудиенции у императора, пришла свежая почта из Москвы со срочным и тревожным письмом от Ромодановского. Четыре стрелецких полка, получившие приказ следовать из Азова на польскую границу, взбунтовались и вместо этого выступили на Москву. Когда Ромодановский писал свое письмо, они уже находились в шестидесяти верстах от столицы, и верные правительству войска под началом Шейна и Патрика Гордона выступили им навстречу. В письме ничего не говорилось ни о причинах, ни о масштабах восстания, и вообще больше никаких подробностей о происходящем не сообщалось. Письмо шло месяц, и Петр понял, что, пока он отплясывал на маскараде в костюме поселянина, стрельцы, быть может, заняли Кремль, сестра Софья захватила русский престол, а он сам объявлен изменником.

Царь немедленно решил прервать поездку, отменить посещение Венеции и возвращаться напрямик в Москву – навстречу своей участи, какова бы она ни была. Надеясь и веря, что его наместники все еще стоят у власти, он написал Ромодановскому: «Письмо твое, июня 17 дня писанное, мне отдано, в котором пишешь, ваша милость, что семя Ивана Михайловича [Милославского] растет, в чем прошу быть вас крепких [проявить твердость]; а кроме сего ничем сей огонь угасить не мочно. Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, однако сей ради причины будем к вам так [скоро], как вы не чаете».

Сворачивая посольство, Петр решил взять первых двух послов, Лефорта и Головина, с собой – помогать разобраться с положением в Москве, а третьего, Возницына, оставить в Вене в качестве представителя России на будущих мирных переговорах с Турцией.

19 июля Петр выехал из Вены по дороге на Польшу, к изумлению австрийцев, ничего не знавших о последних новостях из России и потому ожидавших, что он отбудет в направлении Венеции. Царь ехал день и ночь, останавливаясь, только чтобы поесть и сменить лошадей. Он уже достиг Кракова, когда его нагнал гонец, которого Возницын послал галопом вслед за царем со свежими и более утешительными известиями. Шейн в бою одолел бунтовщиков; 130 человек казнено, 1860 взято в плен. У Петра отлегло от сердца, и он стал подумывать, не повернуть ли назад, в Венецию. Но он уже был на полпути к дому, оставленному полтора года назад, а в Москве предстояло так много сделать. И он – уже без прежней поспешности – двинулся дальше на восток и неторопливо подъехал к городу Рава, что в Галиции. Здесь царь познакомился с уникальной личностью, в чьи дипломатические и военные махинации Петру в России в будущем предстояло окунуться с головой. Это был Август, курфюрст Саксонский, а теперь, благодаря поддержке австрийского императора и русского царя, еще и польский король.

* * *

Польша, через земли которой царь следовал домой, была самым слабым и уязвимым из крупных европейских государств петровского времени. По величине территории и численности населения страна была гигантская: она раскинулась от Силезии до Украины, от Балтийского моря до Карпат; население – одно из самых многочисленных в Европе – составляло восемь миллионов; однако в политическом и военном отношении Польша ничего значительного собой не представляла. И если эту обширную страну никто не трогал, то только потому, что ее соседи были слишком поглощены собственными делами или сами слишком слабы, чтобы растащить ее по кускам. Целых двадцать лет Северной войны, которая вот-вот должна была начаться, Польша будет лежать поверженной, и весь ее горестный вклад в эту войну сведется к тому, что польские земли станут полем битвы между противостоящими армиями чужеземцев. Огромная страна окажется беспомощной перед натиском шведского агрессора, у которого всех подданных было два с половиной миллиона.

Бессилие Польши объяснялось рядом причин. Первая из них состояла в отсутствии какого бы то ни было национального и религиозного единства. Лишь половину населения Польши составляли собственно поляки, и эта половина придерживалась католицизма. Другая половина – литовцы, русские, евреи и немцы – представляла собой мешанину из

протестантов, православных и иудеев. Между различными группами существовали разнообразные, более или менее напряженные связи и отношения, но в целом наблюдалось всеобщее религиозное и политическое противостояние. Литовцы ссорились между собой, и объединяла их только общая ненависть к полякам. Евреи, составлявшие значительную часть городского населения, стремились к главенству в торговых и финансовых делах, внушая полякам зависть и страх. Казаки, номинально подчиненные гетману Украины, который теперь формально являлся подданным русского царя, не выполняли никаких указов польского короля.

Но если в национальной и религиозной сфере царила путаница, то политическую ситуацию в Польше следует признать попросту хаотической. Это государство было республикой, в которой имелся король. Король был выборным, а не наследственным монархом и располагал лишь той властью, какую ему благоволила предоставить польская знать – то есть, как правило, никакой. Монарх, таким образом, представлял собой нечто вроде парадного украшения на здании государства. В то время как Франция своим примером указывала большинству европейских государств дорогу к централизованной власти и абсолютизму, Польша двигалась в противоположном направлении – к политическому распаду и анархии. Настоящими правителями Польши были польские и литовские магнаты, владевшие огромными территориями, на которые центральная власть не распространялась ни в коей мере. Так, Сапегы, могущественный литовский род, сами помышлявшие о престоле, вообще ни в грош не ставили польских королей.

Именно польская и литовская земельная аристократия и настояла в 1572 году на выборности королей. Она же к концу XVII века владела всеми богатствами страны и вывозила лен, зерно и лес из своих обширных поместий вниз по Висле в Балтийское море. Она обладала всей полнотой политической власти, ибо не только избирала себе монарха, но и заставляла избранника накануне коронации подписывать обязательство, определявшее условия, на которых ему разрешалось править. Своего идеала польская аристократия достигла тогда, когда сейм, или парламент, пришел к решению, что ни один закон не может быть утвержден, если хотя бы один из членов сейма возражает против этого. К тому же ни король, ни парламент не располагали механизмом введения или сбора налогов. Не существовало также сколько-нибудь последовательной польской внешней политики. «Эта буйная нация подобна морю, – сетовал английский дипломат. – Она клокочет и ревет... но в движение приходит лишь под воздействием какой-нибудь превосходящей силы».

Такая же неразбериха царила и в польской армии. Кавалерия отличалась примерной отвагой и пышным убранством: нагрудники и мечи доблестных всадников сияли алмазами. Зато дисциплины не существовало вовсе. Польская армия, ведущая боевые действия, могла в любой момент увеличиться или сократиться из-за того, что какой-нибудь магнат с вооруженными вассалами присоединился к ней или, напротив, ее покинул. И лишь сами эти господа решали, вступать ли им в боевые действия и если да, то когда именно. Если они уставали воевать или им просто становилось скучно, они покидали театр войны, какими бы ужасными последствиями подобный поступок ни обернулся для оставшихся польских воинов. Бывали даже такие времена, когда король Польши вел войну, а Речь Посполитая в лице парламента пребывала в состоянии мира. В обстановке царящего хаоса, где, как в калейдоскопе, смешивались декоративный король, парламент с подрезанными крыльями и самоуправное феодальное войско, огромная мятежная страна брела, спотыкаясь и падая, но все же неуклонно приближаясь к анархии.

При такой государственной системе Польша могла уповать лишь на то, что сильный государь каким-то образом сумеет обуздать этот хаос, всех объединив и утихомирив. Однако выбор монарха зависел теперь не только от желаний польской знати. К этому времени вопрос о том, кому достанется польская корона и с ней хотя бы ограниченная власть над одним из крупнейших государств, приобрел общеевропейское значение. Каждый монарх Европы жаждал завладеть польским тронem для своей собственной династии или, по крайней мере, для кого-нибудь из дружественных ему правителей. Петр, русский царь и восточный

сосед Польши, был особенно в этом заинтересован. Услышав, что польский трон может достаться французскому претенденту, Петр уже готовился, если понадобится, оккупировать Польшу. Он выдвинул русские войска к польской границе, чтобы оказывать давление на выборщиков, а в случае победы француза приступить к захвату. (Как раз распоряжение о том, чтобы стрелецкие полки снялись из-под Азова и выступили в сторону Польши, и спровоцировало их бунт и тем самым – спешный отъезд царя из Вены.) А на другом конце Европы Король-Солнце мечтал увидеть, как дружественная Франции Польша поднимается за спиной Габсбурга. Кандидатом Людовика был Франсуа Луи де Бурбон, принц де Конти, французский принц крови, который сделался любимцем версальского двора благодаря своим воинским подвигам, неотразимому обаянию и сексуальной всеядности. Сам Конти не испытывал восторга от перспективы сделаться польским королем – не хотелось расставаться с друзьями и версальскими развлечениями ради диких степей Восточной Европы. Однако король стоял на своем и крупно раскошелился, выделив три миллиона ливров золотом на подкуп необходимого числа голосов в сейме. Его усилия принесли успех, и при поддержке большинства польской знати, включая и литовское семейство Сапегов, был избран Конти, которого отправили морем в Данциг (Гданьск) в сопровождении сильной военно-морской эскадры под командованием знаменитого французского адмирала Жана Бара.

Прибыв в Польшу, Конти узнал, что он уже низложен. Август Саксонский – отвергнутый претендент, опиравшийся на русского царя и австрийского императора, отказался признать решение сейма и вступил в Польшу во главе саксонской армии. Он прибыл в Варшаву, опередив Конти, принял католичество, вынудил сейм изменить решение и был коронован 15 сентября 1697 года. Конти с легким сердцем возвратился в Версаль, и в Польше началось тридцатилетнее правление Августа.

Итак, Август не просидел еще на польском троне и года, когда Петр, возвращаясь в Москву, пересек его владения. Август оставался также саксонским курфюрстом, хотя Польша и Саксония не имели даже общей границы: их разделяли принадлежавшая Габсбургам Силезия и бранденбургские земли по Одеру. Саксония была лютеранской, Польша – преимущественно католической. Власть Августа, как и всех польских королей, была ограниченной, но он уже искал способ исправить положение. Явившись в Раву, где пребывал новый король, Петр нашел, что Август, подобно ему самому, – молодец, наделенный недюжинной статью. Двадцативосьмилетний король был высок (конечно, если не сравнивать его с Петром, чей рост выходил за нормальные рамки) и обладал мощным сложением: его даже прозвали Августом Сильным и говорили, будто он может руками согнуть подкову. Он отличался грубоватым прямодушием и дружелюбием, был румян, голубоглаз, имел крупный четко очерченный нос, полные губы и необыкновенно густые черные брови. Его жена, урожденная Гогенцоллерн, оставила его, когда он перешел в католичество, но это мало беспокоило Августа, чье сластолюбие и волокитство поистине не знали границ. Достижения Августа в этой области были выдающимися даже для того времени, когда достойных соперников у курфюрста хватало; он коллекционировал женщин и, наслаждаясь своей коллекцией, произвел на свет ни много ни мало 354 побочных отпрыска. Одной из самых любимых фавориток Августа была прекрасная графиня Аврора фон Кенигсмарк, с которой Петр уже встречался в Дрездене. Другой, много лет спустя, стала графиня Ожельска, одновременно приходившаяся Августу дочерью.

Кроме плотских удовольствий, Август любил и розыгрыши, в которых тоже проявлялись его специфические склонности. Он преподнес Петру золотую шкатулку с секретной пружиной, украшенную двумя портретами его любовницы. Портрет, помещенный на крышке, представлял даму в богатом придворном платье, весь облик которой говорил о величавом достоинстве. Второй портрет, открывавшийся взгляду, когда нажимали пружину и крышка откидывалась, изображал ту же даму после того, как она уступила настояниям возлюбленного: ее убор в соблазнительном беспорядке, весь облик дышит сладострастием⁶⁵.

⁶⁵ Как-то раз Август подобным же образом продемонстрировал свое чувство юмора, показывая прусскому

В Августе – молодом, шумном, веселом, добродушном здоровяке – Петр тотчас признал родственную душу. Они провели в Раве четыре дня, вместе обедали, производили смотры пехоты и кавалерии, а вечерами пировали. Петр выражал свою привязанность к новому другу, то и дело обнимая и целуя его. «Я едва ли был бы в состоянии изобразить вам объятия, имевшие место между обоими государями», – писал один из членов петровской свиты. Август произвел на Петра глубокое впечатление, которое не забывалось много лет, и он с гордостью носил на одежде польский королевский герб – подарок Августа. На следующий день после возвращения в Москву, когда приветствовать царя пришли его бояре и друзья, он принялся похвастаться перед ними своей новой дружбой. «Король польский мне милее, чем все вы находящиеся [здесь], – объявил царь, – пока я жив, буду с ним в добром согласии не потому, что он – король польский, но в уважении его приятной особы».

Дни, проведенные Петром в Раве, и его новая привязанность имели для России важные последствия. В эти самые дни Август, который уже извлек выгоду из поддержки, оказанной ему Петром в борьбе за корону, воспользовался пылкой дружбой царя, чтобы склонить его в пользу еще одного из своих честолюбивых замыслов – совместного нападения на Швецию. Король Швеции Карл XI умер, оставив трон пятнадцатилетнему сыну. Момент казался подходящим для попытки отобрать у Швеции прибалтийские области, которые, находясь в руках шведов, преграждали России и Польше доступ к Балтийскому морю. Август был проницателен и хитер: со временем он снискал репутацию обманщика и двурушника, не знавшего равных среди правителей всей Европы. Поэтому вполне в его духе было предложить на всякий случай готовиться к нападению тайно и нанести удар внезапно.

Петр с сочувствием прислушивался к своему неистовому и не ведавшему укоров совести приятелю. У него имелись собственные причины одобрять этот замысел: в Вене ему дали понять, что война на юге против Турции идет к концу. Тем самым перед ним закрывались двери Черного моря, в то время как жажда морских приключений в его душе все росла. Он вернулся из Голландии и Англии, опьяненный мечтами о кораблях, флотах, торговле и море. Неудивительно, что предложение прорваться к Балтике и открыть прямой морской путь на Запад его очень соблазняло. Кроме того, шведские провинции, на которые предполагалось напасть, принадлежали когда-то России. Однажды они, как игральные кости, легли в одну сторону; что ж, теперь попробуем бросить их другой рукой. Август говорил, а Петр слушал и кивал. Двадцать пять лет спустя, составляя вступление к официальной русской истории Северной войны, царь подтвердил, что первоначальная договоренность о выступлении против Швеции была достигнута именно в Раве.

* * *

Великое посольство закончилось. Первое мирное путешествие русского царя за границу продлилось полтора года, обошлось в два с половиной миллиона рублей, познакомило курфюрстов, принцев, королей и одного императора с плотником Петром Михайловым и доказало Западной Европе, что русские не едят сырого мяса и не ходят в медвежьих шкурах, наброшенных на голое тело. Каковы же были существенные его итоги? С точки зрения стоявших перед ним явных, открытых целей – оживления и расширения союза против Турции – посольство провалилось. Европа готовилась к иным, новым войнам, а на Востоке наступал мир. Куда бы ни направлялся Петр в поисках помощи – в Гаагу, Лондон, Вену, всюду он ощущал присутствие грозной тени Людовика XIV. Не султан, а Король-Солнце – вот кто страшил Европу. Европейская дипломатия, финансы, морские флотилии и

королю Фридриху Вильгельму и его шестнадцатилетнему сыну свой дворец в Дрездене. Они зашли в одну из спален и любовались росписью потолка, как вдруг полог, скрывавший ложе, взвился вверх и взорам открылась лежащая на постели нагая красotka. Суровый ханжа Фридрих Вильгельм ринулся вон из комнаты, волоча за собой сына. Август покатывался со смеху, но принес извинения, а через некоторое время прислал эту самую особу «в дар» юному Фридриху. Молодой человек из вежливости принял подарок, хотя вообще-то женщинами не интересовался.

армии изготовились в преддверии кризиса, который должен был неминуемо разразиться, как только опустеет испанский трон. России предоставили в одиночку сражаться с турками или мириться с ними, и у нее не оставалось другого выхода, кроме как заключить мир.

Однако с точки зрения осязаемых практических результатов посольство надо признать весьма успешным. Петру и его послам удалось привлечь на русскую службу более восьмисот европейских специалистов, в большинстве голландцев, но также и англичан, шотландцев, венецианцев, немцев и греков. Многие из этих людей долгие годы прожили в России и внесли важный вклад в модернизацию страны, навсегда вписав свои имена в историю петровского царствования.

Еще важнее оказалось то глубокое и стойкое впечатление, которое осталось в душе самого Петра после посещения Европы. Он поехал, чтобы научиться строить корабли, и с этой задачей прекрасно справился. Но любознательность заставила его открыть для себя и целый ряд неизвестных прежде областей знания. Он с интересом окунаясь во все, что попадалось ему на глаза, – изучал микроскопы, барометры, ветровые приборы, монеты, мертвые тела, зубные клещи, не говоря уж о кораблестроении и артиллерийском деле. Все, что он увидел в процветающих городах и портах Запада, что узнал от ученых, изобретателей, купцов, ремесленников, инженеров, печатников, солдат и матросов, подтверждало его убеждение, сформировавшееся еще в Немецкой слободе: русские в техническом отношении отстали от Запада на десятилетия, а может быть, и на столетия.

Спрашивая себя, как это могло случиться и каким образом можно исправить положение, Петр пришел к пониманию того, что корни европейских технических достижений кроются в высвобождении человеческого разума. Он осознал, что Возрождение и Реформация, нисколько не затронувшие Россию, разрушили церковные оковы Средневековья и создали атмосферу, в которой могла процветать свободная философская и научная мысль, разнообразнейшая коммерческая деятельность, предпринимательство. Он видел, что оковы ортодоксальной церкви все еще сдерживают Россию, как и путы крестьянского уклада и вековых традиций. И Петр принял непреклонное решение сокрушить эти оковы.

Но, как ни странно, Петр проглядел, а возможно, не захотел увидеть новый, западный взгляд на человека. Он отправился на Запад не для того, чтобы изучать «искусство управления». В протестантской Европе его со всех сторон окружали свидетельства новых гражданских и политических прав отдельной личности, воплощенных в конституциях, биллях о правах, парламентах, но все же, возвращаясь в Россию, он вовсе не собирался делиться властью со своим народом. Так что он приехал не только с твердым намерением изменить свою страну, но и с убеждением, что в грядущих преобразованиях только он один может направить Россию по правильному пути, только он может стать движущей силой этих преобразований. И если недостаточно окажется обучать и убеждать, он будет толкать, а то и кнутом гнать вперед отсталую страну.